

Светлана Алешина

Змей в райских куцах

Часть сборника
Дамы любят погорячее (сборник)

Светлана Алешина
Змей в райских кущах
Серия «ТВ журналистка»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6001391

Алешина С.В. Дамы любят погорячее. Змей в райских кущах: Повести:

Эксмо; Москва; 2002

ISBN 5-699-00927-2

Аннотация

«...– Как вы себя чувствуете, мадам Малахова, после того, как совершили убийство? – осведомился мужской баритон. – Вы счастливы?»

Алла Владимировна Малахова привсталала с кресла.

– Что? Что? – переспросила она.

Мне показалось, что у меня начался бред. Моя рука невольно потянулась ко лбу, чтобы проверить, нет ли температуры. Но лоб, вопреки ожиданиям, оказался прохладным, какой и полагалось иметь здоровому человеку.

– Вы шутите? – спросила Алла Владимировна.

– Ничуть, – ответил мужчина и бросил трубку.

– Это просто смешно. – Алла Владимировна заморгала своими виртуозно накрашенными ресницами. – Что это было? Звонок из сумасшедшего дома? – поинтересовалась она.

– Вы кого-то убили? – осведомилась я с дрожью в голосе, сама не веря в то, что говорю.

– Разумеется, нет! – категорично воскликнула Алла Владимировна...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Глава 3	62
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Светлана Алешина

Змей в райских кущах

Глава 1

Свет софитов меня манил с детства: можно сказать, как родилась, так сразу и начала себя представлять то ли балериной, то ли кинозвездой, то ли оперной дивой... Конечно, тарасовская телестудия – это не Ла Скала и не Метрополитен-опера, и я вовсе не Рената Тебальди, но роль Ирины Лебедевой – ведущей популярной рейтинговой телепрограммы в Тарасове «Женское счастье» – меня почти что устраивает. Почти – потому, что мечтала я все-таки о другом: о чем-то вроде «Независимого расследования»... Видно, все-таки в каждой женщине дремлют задатки частного детектива! Но, увы, у начальства в лице Евгения Ивановича Кошелева взгляд на это дело совершенно иной. Я бы даже сказала, что диаметрально противоположный, и у рекламодателей – тоже! По крайней мере, по мнению шефа.

И с Юлей Меньшовой, на мой взгляд, общего у меня тоже маловато. Однако я на этот счет не особенно расстраиваюсь.

Во мне, как утверждает мой драгоценный благоверный Володенька, шарма гораздо больше, чем у столичной телезвезды, да и в «Женском счастье» есть особенная изюминка.

ка. Не скажу какая – но есть! Ни с одной другой программой ее не спутаешь!

Тарасовский телецентр, разумеется, не Останкинская телебашня... Зато с противопожарной безопасностью у нас все в порядке! Шеф сам регулярно у всего персонала зачеты принимает по технике безопасности, и мы все в его журнале ежеквартально расписываемся. Спасибо еще, огнетушители на себе таскать не заставляет...

А вот с мечтой об оперном театре пришлось расстаться: господь голосом не одарил. Такая вот незадача! Зато Володька говорит, что из меня вышла отличная журналистка. Хотя у него взгляд, конечно, субъективный... Но зато другие то же говорят, не он один!

«Независимое расследование с Ириной Лебедевой» – красиво звучит! Я невольно вздохнула и перевела взгляд на трибуну со зрителями, где во всей своей красе блистала Лера Казаринова, обходя с микрофоном любознательных представительниц женского пола. Она у нас в группе самая молодая и зовется громко – помощником режиссера. Это я не иронизирую: девушка Лера талантливая, хваткая и ужасно исполнительная! Я так думаю, что далеко пойдет. А глазищи-то у нее какие! Как взмахнет ресницами – пропадай мужская половина ГТРК!

Учится Лера где-то на заочном. Только я так думаю: политолог она или социолог – не в этом дело! Главное – это талант и ее удивительная работоспособность, так что в жиз-

ни девчонка пробьется! Переживать за нее не приходится. Вот если бы еще не ее язвительность... Да цены бы ей тогда не было! Впрочем, и без этого нельзя – жизнь бы пресной казалась!

В центре студии удобное кресло, в котором словно на троне восседает моя главная героиня. Что и говорить? Сегодня королева бала – она! Стройная, подтянутая, выглядит, для своих сорока пяти лет, шикарно! С первого взгляда видно: холит себя любимую и лелеет! Уж на что Галина Сергеевна – наш режиссер – женщина ухоженная и энергичная, а до Аллы Владимировны Малаховой ей все-таки далековато...

Это наша главная героиня сегодня – черноглазая брюнетка, выкрашенная в ослепительно белый цвет. Лишь едва отросшие корни волос выдают, что совсем недавно над ее головой потрудились опытный парикмахер. Одета в строгий бледно-лиловый костюм из дорогого бутика, грим наложен безукоризненно. Визажист, судя по всему, у Аллы Малаховой тоже мастер своего дела! Так что к внешнему облику не придерешься, да это и не входит в нашу задачу. Наше дело – раскрыть ее богатый внутренний мир.

Ни одна черточка на лице у нашей героини не дрогнет – отвечает на все вопросы чеканным голосом. Кстати, должна заметить, он у нее звучит красиво, да и аудиторию Алла Владимировна держать умеет. Завидное, кстати, качество – ценное! Редко когда есть возможность отдохнуть на собственной передаче... А улыбается она как обворожительно!

Не хуже меня, по-моему. Любого агрессивно настроенного зрителя на лопатки положит – одной только своей улыбкой магической. И на меня, кстати сказать, подействовало: как только мы в ее клуб всей съемочной группой приехали, я сразу решила: следующий эфир ее! Да и Алла Владимировна не возражала: софиты, как видно, ее тоже с детства притягивали...

– Почему вы оставили большой спорт? – Вопрос из зала. Лера держит микрофон перед женщиной средних лет с замысловатой прической на голове. Опытным взглядом определяю: скорее всего – домохозяйка! Она заметно нервничает, не знает, что делать с узловатыми пальцами неухоженных рук, и то и дело теребит темно-каштановые, подкрученные локоны. Завивка ей явно не идет, замечаю я вскользь.

Алла Владимировна Малахова – ныне владелица самого модного фитнес-клуба в Тарасове – в прошлом призер крупных соревнований по фехтованию. Говоря откровенно, с трудом представляю ее со шпагой. Даже кадры двадцатилетней давности на меня особенного впечатления не произвели. Ощущение такое – будто на них снята абсолютно другая женщина, точнее – девочка. Хрупкая, гибкая, нежная и мягкая. Мне показалось, что хрупкости и гибкости своей Алла Владимировна не утратила, но все-таки стала абсолютно иной. Жестче, наверное. И выглядит Малахова скорее как бизнес-леди, а вовсе не как спортсменка. Хотя одно другому, разумеется, не мешает. И кстати, как мне пришлось убедить-

ся сегодня на собственном опыте, словом она сумеет про-
ткнуть кого угодно, даже самого д'Артаньяна...

– Потому что попала в автомобильную катастрофу, – от-
ветила Алла Владимировна, и снова на ее очаровательном
лице не дрогнул ни один мускул. Между прочим, я как ни
приглядывалась, ни единой морщинки на нем не разглядела
и заключила, что она, вероятнее всего, все-таки делала под-
тяжку... Здоровый образ жизни – здоровым образом жизни,
но что бы там ни говорила Лера Казаринова – яростная его
приверженка, а годы свое берут, и приходится дамам баль-
заковского возраста бороться с морщинами не иначе как са-
мыми что ни на есть кардинальными способами. Хотя о чем
это я? Ей и пятидесяти-то нет! Впрочем, в мои двадцать семь
такие ошибки еще простительны...

А Лера тем временем уже бежала к третьему ряду. Бело-
курая девушка нетерпеливо тянула вверх руку. Ей очень хо-
телось высказаться.

– Как вы смогли это пережить? – спросила она, изумлен-
но округлив ярко-голубые глаза. – Ведь для спортсменки –
это трагедия! Алла Владимировна, вы получили серьезную
травму?

– Настолько серьезную, – по-прежнему невозмутимо ска-
зала Малахова, – что речь могла пойти даже об инвалидном
кресле! Но мне оказали по тем временам достаточно квали-
фицированную медицинскую помощь, – продолжала Алла
Владимировна. – Поддержала Аня – моя подруга, – пояснила

она. – Бывший муж оплатил лечение и передал в мое распоряжение довольно крупную сумму денег...

– Бывший? – переспросила девушка.

– Бывший, – подтвердила Алла Владимировна. Лицо ее оставалось все так же непроницаемо. – Он ушел от меня, когда понял, что дело может закончиться инвалидностью...

Руку поднял пенсионер в первом ряду – один из редких представителей противоположного пола на нашей передаче. Лера устремилась к нему, бросив на меня вопросительный взгляд. Личная жизнь в списке заранее обговоренных с Малаховой нежелательных вопросов не значилась, но разговор с Аллой Владимировной – хозяйкой фитнес-клуба «Парадиз» – явно зашел в какое-то неподходящее русло. Но я все-таки решила подождать следующего вопроса, прежде чем начать действовать и кардинальным образом изменить ситуацию. У меня для такого случая был заготовлен целый арсенал средств, начиная с рекламы и заканчивая очень эффективными сюжетными вставками, талантливо отснятыми заранее нашим телеоператором Павликом.

– То есть вы хотите сказать: откупился?! – спросил старичок, откашлявшись. В воздухе повисла напряженная тишина.

– Я бы так не сказала, – ответила Алла Владимировна, широко улыбнувшись. Обстановка в студии сразу несколько разрядилась. – Просто он помог мне справиться со сложившейся ситуацией, – мягко пояснила Малахова, – несколько

нетрадиционным способом...

– Вы не держите на него зла? – вставила я, намереваясь подчеркнуть редкие душевные качества нашей сегодняшней героини.

– Разумеется, – кивнула Алла Владимировна.

Затем я мигнула нашей «подсадной утке» Светочке, которая вообще-то выполняет на телестудии обязанности машинистки, но любит участвовать в программах вроде моей. Сегодня она изображала из себя пенсионерку и сидела неподалеку от только что высказавшегося старичка. Надо сказать, все ее роли всегда ей удавались на славу. Я бы на ее месте непременно пошла в актрисы, учитывая ее удивительные способности к перевоплощению. Да и внешность свою Светлана способна менять до неузнаваемости. Ну, вылитая бабуля с лавочки во дворе!

Лера подошла к Светочке и позволила ей высказаться.

– В настоящий момент вы замужем? – спросила она.

Кому-кому, а уж ей-то было известно, что муж Аллы Владимировны Малаховой – Гоффман Герман Генрихович, менеджер по рекламе и оборудованию клуба, – сидит тут же, в студии, и сейчас как раз настала самая пора показать его крупным планом и дать ему замечательную возможность поделиться со зрителями, как он любит свою жену! Должна же наша губерния узнать наконец, в чем состоит женское счастье Аллы Владимировны!

– Конечно, – ответила она. – И очень счастлива! – Алла

Владимировна кивнула в сторону Германа.

На первый взгляд Малахова и впрямь производила впечатление очень счастливой женщины...

– Он в нашей студии? – выразительно удивилась я.

– Да, – подтвердила героиня.

Лера поспешила со своим микрофоном к человеку, сумевшему осчастливить Аллу Владимировну.

Герман Генрихович был невысокого роста, лысоват, но зато лет на десять-двенадцать моложе своей супруги. И телосложение, должна сказать, господин Гоффман имел отнюдь не спортивное. Зато на мир он смотрел небесно-голубыми глазами, как раз в моем вкусе! Я еще дома у Малаховой, когда готовила передачу, сравнивала его с Володькой, но пришла к выводу, что у моего Лебедева глаза все-таки в сто раз красивее!

Господин Гоффман поведал нам романтическую историю своего знакомства с тренером по фехтованию Аллой Малаховой. Женская аудитория в студии зачарованно замерла... Тогда Аллочка все еще ходила с палочкой, а Герман Генрихович носил ее на руках и дарил ей цветы.

– Да, – вставила Алла Владимировна, – тогда он меня буквально осыпал розами и помог с арендой спортзала под клуб.

– А ваша подруга? – спросила женщина из первого ряда с копной густых черных волос на голове и огромными синими глазами. – Ведь вы говорили, что арендовали помещение вместе с ней...

– Да, – подтвердила Малахова, – Аня во всем непосредственно участвовала!

– А почему же она не пришла на передачу? – осведомилась совсем юная девушка в очень короткой юбке и топе на тоненьких бретельках. Лера Казаринова стояла уже возле нее, словно по мановению волшебной палочки.

– Дело в том, – улыбнулась Алла Владимировна, – что Аннушка вышла замуж и уехала со своим супругом во Францию...

– А как же клуб?! – ахнула девушка.

– Клуб, как видите, – сказала в ответ Малахова, – процветает!

В ее словах сомневаться не приходилось, собственными глазами видела «Парадиз» – не фитнес-клуб, а настоящий рай! И чего в нем только нет! Бассейн, три тренажерных зала, степ-аэробика, силовые тренировки с фитболами, танцы, велоаэробика в сайклинг-зале, косметический салон; врач клубный принимает, массажист работает, недавно открылся ресторан с оздоровительным питанием, солярий... Но, правда, чтобы не отступать от истины, скажу: когда мы там снимали, он оказался почему-то под замком. Нам объяснили: что-то случилось с оборудованием...

– А разве Анна не была вашей совладелицей? – не унималась девушка.

– Была, – подтвердила Алла Владимировна все с тем же непроницаемым лицом. – Но мне пришлось продать свою

трехкомнатную квартиру в центре Тарасова, чтобы выкупить свою долю, – подтвердила она, – и доложить кое-что из тех денег, что остались мне от Малахова!

Я кивнула Павлику, нашему оператору, чтобы он пускал смонтированные кадры в эфир. Съёмки в клубе вышли особенно эффектными! Не зря Валера Гурьев из «Криминальной хроники», сколько я себя помню, мечтал его к себе в программу переманить! Павлик Старовойтов, конечно, делал все из-под палки, из-за своей невообразимой лени, но зато как!.. Нет, я бы его ни на какого другого оператора не променяла, пусть даже и самого энергичного!

Я невольно сравнивала героиню нашей программы с Казаковой Любовью Андреевной, матерью шестерых детей и хозяйкой шейпиг-клуба в центре Ленинского района. Обе героини «Женского счастья», обе спортсменки и занимаются, в общем-то, примерно одним и тем же... Такие похожие и в то же время такие разные! И обе они мне нравились!

На экране крупным планом в самых выигрышных ракурсах мелькало лицо Аллы Владимировны. Малахова в сайклинг-зале на велотренажере, Малахова в клубном офисе, Малахова за чашкой чая у себя дома в гостиной среди безупречного ультрамодного интерьера... Муж раскладывает фотографии на столе... Семейный фотоальбом. Алла Владимировна держит его в руках, сама раскрывает его, переворачивает глянцевые страницы, рассказывает историю почти каждого снимка, разумеется, заранее подкорректированную

нами. Алла Владимировна среди сотрудников, Алла Владимировна с мужем, Алла Владимировна на природе с дочкой в руках, Алла Владимировна с маленькой дочкой на качелях, Алла Владимировна на книжной ярмарке: участвует в какой-то букинистической лотерее... Ну, очень разносторонняя женщина!

В студии вспыхнул свет, снова настала пора очередных вопросов.

– Почему ваша дочь не пришла на передачу? – спросила какая-то женщина лет сорока. Почему-то именно вопросы о своей дочери Лидии от первого брака Алла Владимировна считала нежелательными. Мне показалось, что отношения у них довольно прохладные, я бы даже сказала, натянутые! Но, так или иначе, мало ли у матери с дочерью причин, чтобы поссориться! И о них вовсе не обязательно знать всем телезрительницам в губернии!

– Она очень занята, – ответила Алла Владимировна. – Лида с утра до ночи работает визажистом в элитном салоне красоты, – добавила она.

Ответ показался зрительнице исчерпывающим, или она просто сделала вид, что им удовлетворена. Однако на всякий случай, во избежание других вопросов о дочери, я все же с улыбкой произнесла:

– Рекламная пауза!

Лидию Николаевну Малахову я видела всего один раз. Она пришла к матери за какими-то вещами. Они с Аллой

Владимировной были совсем не похожи: Лида, как оказалось, уродилась в отца. Белокожая натуральная блондинка с лихорадочным румянцем на щеках, с яркими голубыми глазами; пухленькая, невысокого роста. Держалась она как-то замкнуто и показалась мне очень неразговорчивой девушкой. Возможно, причина состояла в том, что Лида с Аллой Владимировной не ладили. Как я заметила, Алла Владимировна в присутствии дочери свое знаменитое самообладание все же теряла!

После рекламы студию просто засыпали звонками, и особенно молодежь. Алла Владимировна с трудом успевала отвечать на шквал телефонных вопросов, обрушившихся на нее, пояснила, что студентам в клубе полагается скидка. Я невольно мысленно прикинула, распространяется ли она на заочников? Мне было известно, что Лера просто мечтает о таком вот абонементе! Однако пришла к выводу, что не распространяется. Но ведь Алла Владимировна вполне могла сделать исключение для Леры Казариновой! И тут раздался вопрос:

– Как вы себя чувствуете, мадам Малахова, после того, как совершили убийство? – осведомился мужской баритон. – Вы счастливы?

Алла Владимировна Малахова привстала с кресла.

– Что? Что? – переспросила она.

Мне показалось, что у меня начался бред. Моя рука невольно потянулась ко лбу, чтобы проверить, нет ли темпе-

ратуры. Но лоб, вопреки ожиданиям, оказался прохладным, какой и полагалось иметь здоровому человеку.

– Вы шутите? – спросила Алла Владимировна.

– Ничуть, – ответил мужчина и бросил трубку.

– Это просто смешно. – Алла Владимировна заморгала своими виртуозно накрашенными ресницами. – Что это было? Звонок из сумасшедшего дома? – поинтересовалась она.

– Вы кого-то убили? – осведомилась я с дрожью в голосе, сама не веря в то, что говорю.

– Разумеется, нет! – категорично воскликнула Алла Владимировна.

Другого ответа, собственно, я и не ожидала. Первым объяснением, которое пришло мне на ум, было то, что неизвестный телезритель, обвинивший в убийстве Малахову, был просто наслышан о том, что нашей съемочной группе несколько раз приходилось участвовать в криминальных расследованиях. Взять, к примеру, дело семьи Маранелли или бизнес-леди Кривцовой с ее взломанным сейфом...

Поэтому-то, наверное, звонивший так неудачно и пошутил. Но интуиция все-таки подсказывала мне, что в этой истории не все так просто... И я готова была молить судьбу или кого угодно, чтобы это анонимное заявление оказалось обыкновенной шуткой подвыпившего телезрителя! Не может же быть главной героиней «Женского счастья» преступница... Мне же за это голову оторвут! Я представила мечущего грома и молнии господина Кошелева и даже поежи-

лась. Кошмар!

На выручку снова пришла «пенсионерка» Светочка. Она задала героине один из своих коронных вопросов про личную жизнь и заодно не упустила возможности посетовать на современные нравы.

После программы я остановила в дверях Аллу Владимировну.

– Вы знаете, кто это звонил? – серьезно спросила я.

– Понятия не имею, – пожалала плечами Малахова. – Хотя, – Алла Владимировна задумалась, – голос мне показался знакомым. Да нет, – отмахнулась она. – Такого не может быть!

– Но все-таки, вы узнали голос? – не унималась я.

– Нет, – продолжала упорствовать Малахова. – Мне кажется, что кто-то очень глупо пошутил!

К нам подошел Герман Генрихович и расплылся в своей обычной любезной улыбочке.

– Мне думается, – заметил он, – что ваша передача благодаря этому звонку вышла только острее!

– Не знаю, – задумчиво протянула я. – Не нравится мне все это!

– Да не берите вы в голову, Ирина Анатольевна! – улыбнулась Малахова. – Это был, очевидно, один из моих тайных «доброжелателей»! Совсем с ума посходили от зависти, – вздохнула она.

– Пожалуй, вы правы. – Я была вынуждена согласиться с ее словами.

Через пять минут я понаблюдала в окно, как отъехал черный «Ауди» с моими гостями.

Кто-то похлопал меня по плечу. От неожиданности я вздрогнула.

– Ну, Ирина! – воскликнул Валера Гурьев. – Сегодня ты превзошла саму себя!

– Ты-то откуда знаешь? – уныло спросила я. – Ты же «Женское счастье» не смотришь?!

Валерка Гурьев и есть тот счастливец, который ведет на нашем канале «Криминальную хронику» и смотрит на мою программу несколько свысока.

– Слухами земля полнится, – ухмыльнулся он. – Ошеломляющая вышла программа! Шеф в восторге!

– Только этого не хватало! – ужаснулась я. – Сначала звонят всякие там... – Я задумалась, подбирая более-менее подходящее приличное слово, – ненормальные, – наконец выдавила я из себя. – А ты потом расхлебывай!

– А если то, что он сказал, правда? – предположил Гурьев.

– Ну и шуточки у тебя! – разозлилась я.

– А программа и впрямь вышла эффектная! – усмехнулась Лера. Гурьев тут же успел выцепить у нее из кулечка горсточку кураги.

– Эй, эй! – возмутилась Лера. – Полегче! Это вам не благотворительное общество!

Лера Казаринова была сторонницей здорового образа жизни, поэтому ела только вегетарианскую пищу и повсюду

ду носила с собой какие-нибудь сухофрукты вроде изюма. А некоторые товарищи противоположного пола, такие, как Павлик – наш бородатый ловелас, и вышеупомянутый Гурьев, этим все время пользовались.

– Да я всего-то несколько штукечек, – обиженно протянул Валерка.

– Ну, ну, – проговорила Лера себе под нос, поправив заколку в льняных волосах – свое самое любимое украшение. – А как вы думаете, – вдруг спросила она, – Малахова и правда кого-нибудь убила?

Я простонала:

– И ты туда же!

* * *

Дома почему-то Володьки до сих пор не было. Этот факт меня сам по себе довольно удивил. Обычно мой муж всегда встречал меня после эфира на улице. Потому что бывало, я иногда чувствовала себя в такие моменты тем самым лимоном, который только что выжали. Володя прекрасно понимал мое состояние и оказывал мне моральную поддержку. И не только моральную... К примеру, ему ничего не стоило пожарить картошку, настрогать какой-нибудь легкий салатик и напоить меня черным кофе «по-лебедевски». Это был фирменный способ приготовления растворимого кофе, ложка которого заливалась кипятком в фарфоровой чашке.

Сюда же неплохо было добавить сахара, о чем Лебедев никогда не забывал.

Мой взгляд скользнул по расписанию университетских занятий. Оказывается, я совсем забыла, что на моего мужа недавно «повесили» еще и вечернее отделение.

Ну, надо же, совсем вылетело из головы! Значит, прощай теперь праздничные пятницы... Даешь одинокие будни!

Я включила музыкальный центр, и квартира наполнилась сильным голосом Паваротти, исполняющего какую-то арию из «Любовного напитка». Я же побрела в кухню, чтобы на скорую руку сварганить себе что-нибудь на ужин. Однако меня ожидал приятный сюрприз. Мой милый Володька расстарался на славу: в микроволновке меня уже дожидалась аппетитная курица.

– Ну и дела! – воскликнула я. Мне довелось лишний раз убедиться в том, какой у меня замечательный муж. Ему не хватало, пожалуй, единственного – умения зарабатывать деньги. Впрочем, этот его недостаток – не такая уж неразрешимая проблема, если я их сама зарабатываю. До Малаховой мне, конечно, далеко... Но и жаловаться, кстати сказать, не приходится! Вот на днях осуществила свою заветную мечту – купила наконец-то сотовый телефон! А то что это за телеведущая без мобильного?!

Владимир Николаевич Лебедев – кандидат, между прочим, химических наук, исполняет на университетской кафедре обязанности доцента. Зарплату получает небольшую

и редко, в денежных вопросах некомпетентен, но, с легкой руки его близкого друга Витальки Белоусова, подрабатывает написанием контрольных и дипломных работ. Это, конечно, не главная составляющая семейного бюджета, но и эти деньги, увы, не валяются на дороге!

Не успела я поужинать, как зазвонил телефон. Вот тогда-то у меня сердечко и екнуло: почувствовала, что дело это с Малаховой добром не кончится...

– Да? – проворковала я в трубку.

– Ирина! – Я сразу узнала Галину Сергеевну. Когда она взволнована, ее никогда и ни с кем не перепутаешь! Даже по телефону... – ЧП! – вскричала она. Я даже трубку от уха отодвинула чуть в сторону, чтобы барабанные перепонки не лопнули. – Мы снова влипли в какой-то криминал! – запрочитала Моршакова.

– Что случилось? – обреченно спросила я, намереваясь выслушать историю вроде той, что Кремль захватили инопланетяне и требуют выкуп за Путина. Я бы не удивилась, услышав нечто подобное от нашего режиссера. Хотя в этот раз я догадывалась, что речь пойдет не о Путине! Но как знать?!

– Жене звонили из милиции, – прошептала Галина Сергеевна. Женей она именовала наше начальство в лице господина Кошелева. Еще бы! Начинали вместе на телевидении! – Она и в самом деле кого-то убила! – добавила Галина Сергеевна. – Труп обнаружили в клубе, как раз когда этот ненор-

мальный звонил! Что же теперь будет с программой?! – запричитала режиссер Моршакова.

Я выронила из рук кофейную чашку, и она со звоном разбилась вдребезги.

– Что там у тебя? – забеспокоилась Галина Сергеевна. – Разбойное нападение? Подожди! Я милицию вызову! – прокричала она.

– Не надо! – взмолилась я. – Ничего страшного не произошло. Просто я чашку уронила.

– Ну, тогда до свидания, – вздохнула Галина Сергеевна и повесила трубку.

Я склонилась над черепками чашки.

– Вот не было печали...

– Посуда бьется – жди удачи! – А я и не заметила, как вошел Володька.

– Если бы ты знал, какой у меня сегодня тяжелый выдался день, – сказала я и уткнулась ему в плечо. Оно у него было широкое и крепкое, настоящее такое, мужское! Так что дело не только в глазах и голосе!

– И когда только этот кошачий концерт закончится? – покачал головой Володька и покосился на музыкальный центр.

Он всегда убеждал меня, что ничего не понимает в классической музыке. Но я-то знала, что его возмущение – это всего лишь шуточный ритуал, а на самом деле мой муж без ума от Лучано Паваротти...

По его поведению я заключила, что прямого эфира он не

видел.

«Ну, и слава богу», – решила я мысленно. Разговор с Галиной Сергеевной я решила обдумать на другой день.

* * *

Утром Володька сбегал за хлебом, а я возилась у плиты. Приготовление омлета на завтрак тоже, между прочим, требует некоторых профессиональных навыков. Он ведь, к примеру, вполне может подгореть или... Я не успела додумать свою мысль до конца: в дверном проеме возник Володька, и лицо у него было чернее тучи.

– Что случилось, Володенька? – испуганно спросила я, почувствовав, что во рту у меня пересохло. После вчерашнего звонка Галины Сергеевны я только и ждала неприятностей.

– Вот, полюбуйся, – он протянул мне утреннюю газету. Кажется, это были «Губернские новости». – Не стал бы я тебе показывать, – добавил он, – но все равно ведь узнаешь... Лучше уж от меня! – Володька бухнулся в кресло.

– Что узнаю? – осторожно спросила я, убирая со лба непослушные волосы.

– Про это безобразие! – вспыхнул он, ткнув пальцем в газету. – И почему ты мне никогда ничего не рассказываешь? – протянул Володька обиженно. – Могла бы и рассказать о неприятностях!

– К чему тебе мои неприятности? – вздохнула я. – Если

уж делиться – то радостью, – теперь я догадывалась, что за статья была напечатана в газете... – Разве ты забыл, что это и есть мое жизненное кредо?! – Я попыталась улыбнуться, хотя улыбка, должно быть, у меня получилась натянутая.

– А как же насчет того, что вместе и в горе и в радости? – прищурившись, осведомился Володька.

Я пожала плечами:

– Но мы же вместе!

– Еще бы не хватало, чтобы ты от меня ушла! – усмехнулся он.

– Этого не может быть, потому что не может быть никогда, – изрекла я с видом Спинозы.

– Ты газету-то разверни, – попросил Володька.

Я неохотно, но все-таки выполнила его просьбу. Уж очень мне не хотелось читать, что там про меня пишут в этих «Губернских новостях». Статья называлась «Криминальное женское счастье». Если сказать, что автор статьи отзывался о ведущей программы несколько нелицеприятно, то это значило – ничего не сказать. Из текста статьи выходило, что я не только приглашаю в свою программу каких-то подозрительных «темных» личностей, но и сама причастна к криминальным делам в городе. Журналист ссылался, в частности, на убийство цирковой артистки Камиллы Маринелли, которое и в самом деле произошло на моих глазах и было отснято нашей группой на видеопленку. О том, что же произошло с ней на самом деле, автор почему-то умалчивал, зато поли-

вал ведущую программы, то есть меня, самой обильной грязью. Моя вчерашняя программа с Аллой Малаховой, на его взгляд, только подтверждала все вышесказанное...

Из этой же статьи я узнала, что Алла Владимировна Малахова уже взята нашими бдительными представителями внутренних органов под стражу.

Я ахнула и опустила на стул, не отрывая глаз от газеты.

Вот тебе и «Независимое расследование с Ириной Лебедевой»!

Автором пасквиля значился некто Василий Ремизов. Имя это я слышала впервые и поэтому столь явственной неприязни в свой адрес понять никоим образом не могла.

– Ты с этим котом Василием знакома? – спросил Володька, заметив, что я понемногу начинаю приходить в себя.

– Нет. – Я покачала головой. – Я вообще ничего со вчерашнего дня не понимаю! Какое еще убийство? Какой труп?! Мы же в этом фитнес-клубе с Павлом несколько дней снимали! Не было там никаких трупов!

– А про труп в статье, кстати, ничего не сказано, – справедливо заметил Володенька. – Значит, ты продолжаешь умалчивать о самом главном, – добавил он.

Тогда я смирилась и рассказала ему все от начала до конца.

– По-моему, тебе надо уходить с телевидения, – на полном серьезе сказал мой муж. – Эта работа становится для тебя слишком опасной...

Я хотела спросить его, кто же тогда станет зарабатывать деньги? Но вовремя прикусила язык. В мои планы совсем не входило ранить его чувство собственного достоинства.

– Я, конечно, понимаю, что это твое призвание, – продолжал муж, – но...

– Не беспокойся, – мрачно проговорила я в ответ, – если дело так и дальше пойдет, то на днях мне поступит предложение от начальства написать заявление «по собственному желанию»!

– Ну, это уж тыхватила! – удивленно усмехнулся Володька.

Сегодня была суббота – мой законный и единственный выходной. Я всегда строила на этот день массу самых разнообразных планов. Но жизнь, как ей и полагалось по штату, обязательно вносила в них свои коррективы.

Зазвонил мобильник, мы с Володькой переглянулись, опасаясь взять трубку. Но я все-таки превозмогла себя и шагнула навстречу неприятностям, которые подстерегали меня на другом конце провода. И их – эти неприятности – я снова узнала из уст Галины Сергеевны Моршаковой.

– Ирочка, здравствуй, – сочувственным голосом проворковала она. – Ты уже читала, наверное? – осторожно предположила Моршакова, разговаривая со мной так, словно я была человеком смертельно и безнадежно больным.

– Читала, – призналась я. Пожалуй, Володька был прав, что первым подсунул мне эту статью. Иначе я просто не вы-

держала бы сочувствия, которое готово было обрушиться на меня от сотрудников. – Вы с этим Ремизовым знакомы?

– Кажется, нет, – задумчиво проговорила Галина Сергеевна. – Но фамилию где-то слышала...

– Фамилия-то у него распространенная, – заметила я.

– И в самом деле, – призналась Галина Сергеевна. – Да, чуть не забыла самое главное, – всполошилась она. – Тебя Евгений Иванович вызывает!

– Срочно?

– Сегодня же, – сказала Галина Сергеевна. – Он тебя уже в своем кабинете ждет, впрочем, так же, как и меня, – вздохнула она. – И как мы только с тобой эту Малахову проглядели, а?! Ну, тебе-то простительно, – смилостивилась Галина Сергеевна, – а я-то уже сколько лет на ТВ?! Да ладно, слезами, как говорится... В общем, жду тебя в нашей двадцать четвертой комнате! – Сказав это, Моршакова повесила трубку.

– Что? – догадался Володя. – Полный разнос?

– Похоже, что так, – согласилась я.

В темпе переодевшись, я уже мчалась на остановку маршрутного такси, прикидывая в уме, что делать. Я почему-то с первой секунды не сомневалась, что Аллу Владимировну подставили. А получилось так, что и меня с нею заодно. Я готова была предпринять самые решительные шаги, чтобы отстоять свое, а заодно и ее честное имя! В конце концов, почему бы не выяснить, что же случилось на самом деле?!

Галина Сергеевна, как и пообещала, дожидалась меня в

двадцать четвертой комнате. К шефу мы отправились вместе. По дороге она попросила меня вести себя потише, хотя понимает, что я переполнена праведным гневом и готова к самым решительным действиям.

– Ну, здравствуйте! – встретил нас Евгений Иванович на пороге своего кабинета с видом Зевса, только что сошедшего со своего Олимпа. – Что-то вы не все в сборе, – заметил он, сдвинув брови у переносицы.

– Мне кажется, что это конфиденциальное дело. – Галина Сергеевна пошла красными пятнами.

– Я бы так не сказал, – съехидничал Кошелев, ткнув пальцем в газету, которая красовалась у него на столе.

– Но... – начала было Моршакова.

– Никаких «но», – по-армейски прервал режиссера Евгений Иванович. В этот момент я пожалела, что здесь нет Леры с ее валерианкой. Галина Сергеевна находилась как раз в том состоянии, когда ее нужно было начинать отпаивать. – Должен заметить, – продолжил шеф, – что в этот раз вы все сработали исключительно непрофессионально!

– Я уверена, что Алла Владимировна никого не убивала!

– Ну, это еще надо доказать, – вздохнул Евгений Иванович.

– Мы, – я перевела взгляд на Галину Сергеевну, – то есть... я как раз и собираюсь этим заняться! – решительно выпалила я.

– Этого еще не хватало! – Евгений Иванович огромным

мужским платком вытер пот со лба. – Лебедева, если бы вы только знали, как мне надоела вся эта ваша самостоятельность! – воскликнул он. – Не смейте играть в пинкертон! Слышите?

– Слышу! – Мне показалось, еще чуть-чуть – и шеф кинется трясти меня за грудки.

– Мало того, что программу могут закрыть, – воскликнул он, – так мне еще и за вашу безопасность отвечать прикажете?

– То есть как закрыть? – переспросила я.

– Дело в том, дорогая Ирина Анатольевна, – мрачно ответил Кошелев, – что мне уже намекнули в министерстве: если Малахова действительно замешана в убийстве, то программу вашу придется закрыть или... – Он замялся. – ...как минимум сменить ведущую!

– И вы еще предлагаете оставаться мне в стороне?! – вознегодовала я.

– Да, – тихо ответил шеф. – Пусть лучше в этом деле разбираются компетентные органы!

– Ну, уж нет! – воскликнула я.

– Ирочка, – мягко проговорила Галина Сергеевна, – возможно, Евгений Иванович прав... Малахова же – бывшая спортсменка, рекордсменка какая-то там в прошлом, а ныне хозяйка спортивного клуба...

– Ну, да. – Кошелев кивнул.

В этот момент раздался стук в дверь, и в кабинет загляну-

ла Лера Казаринова.

– Можно?

– Ну, вот, – удовлетворенно заключил шеф, – почти вся компания в сборе! Заходи, – он позволил Лере войти. Она была в своих неизменных джинсах и нежно-розовой водолазке.

– Что-то случилось? – поинтересовалась девушка. – Галина Сергеевна, да на вас лица нет! – всплеснула она руками. – Помощь нужна?

– Сделай-ка нам кофейку, – попросил Леру Евгений Иванович.

– Конечно, – с готовностью согласилась наш помреж.

И вдруг меня осенило:

– А с Василием Ремизовым вы знакомы? – спросила я шефа.

– Знаком, – буркнул он.

Тут только я поняла, что именно Кошелеву наступили на большую мозоль и статья в «Губернских новостях» направлена не только против меня. Ремизов, как выяснилось, был его недругом чуть ли не с института. Неудивительно, что фамилия журналиста показалась Галине Сергеевне знакомой.

После чашки крепкого кофе, едва покинув кабинет Кошелева, я велела Лере срочно разыскать Костю Шилова вместе со служебной машиной. Помреж понимающе кивнула. О Шилове и обо мне на студии ходили определенного рода сплетни, не имеющие под собой абсолютно никаких основа-

ний. Я, конечно, догадывалась, что Костя в отношении меня настроен несколько романтически... но и не более того! Однако Лера не имела никаких оснований столь недвусмысленно улыбаться.

– Мигом, – кивнула она. Ей и в самом деле довольно быстро удалось разыскать Костю. Он, как оказалось, тоже был уже наслышан о произошедшем.

– Я и не думала, что новости так быстро распространяются, – заметила я.

– То ли еще будет, – нервно хихикнула Лера. – Ирина, – обратилась она ко мне, – я могу быть на сегодня свободна? А то у меня завтра зачет, – оправдывалась она.

– Конечно, – кивнула я, усаживаясь в машину.

Глава 2

Первым делом Костя отвез меня домой к Алле Владимировне. Когда я вышла из машины, он вышел следом.

– Костя, меня совсем не обязательно сопровождать, – улыbnулась я. – Вряд ли дома у Малаховой меня уже подстерегает убийца!

– Лишняя осторожность не помешает, – задумчиво проговорил водитель с внешностью Дольфа Лундгрена. О его армейских подвигах в суперэлитных спецназовских войсках на тарасовском ТВ ходили легенды. Когда его спрашивали о чем-либо, Костя предпочитал отмалчиваться. Молчал он и о своих нежных чувствах ко мне, но вся студия была почему-то уверена, что влюблен Костя в меня страстно и безнадежно. Насчет «страстно» я еще могла сомневаться, а вот насчет «безнадежно» была уверена на все сто. Сама я любила только своего мужа – Владимира Николаевича Лебедева. Но Константина Шилова такое положение дел, похоже, абсолютно устраивало.

– Ну, как знаешь, – смирилась я.

Однако Германа Генриховича Гоффмана дома не оказалось, а именно у него я хотела узнать подробности того, что же произошло. Со студии я пыталась дозвониться до Гурьева, но его телефон почему-то не отвечал. Я была уверена, что Валерий уже в курсе событий. С его-то связями в милиции

и криминальных кругах!..

Домработница, миловидная девушка лет двадцати пяти, заявила, что Герман Генрихович уехал в клуб, поэтому нам с Костей не оставалось ничего другого, как отправиться следом.

– Ой! – Девушка вдруг изменилась в лице. – Вы Ирина Лебедева?! Я вас узнала! – Но ее я почему-то не видела на съемках в особняке. – Мне очень нравится ваша программа! – сказала она.

– А вы давно работаете в этом доме? – осведомилась я.

– Нет, – девушка покачала головой. – Только с сегодняшнего дня. Говоря откровенно, это показалось мне странным, и я пообещала себе, что обязательно попробую разыскать Нину Андреевну, которую видела у Малаховой в прошлый проезд сюда.

– Интересно, зачем это Гоффману понадобилось менять прислугу? – задалась я вопросом вслух.

– Нина Андреевна могла что-то знать, – предположил Костя, поворачивая ключ зажигания.

– Ты думаешь, это он убил ту женщину в клубе? – О ом, что убили именно женщину, я узнала от Галины Сергеевны.

– Не знаю, – Костя пожал плечами, – я только высказал свое мнение...

Фитнесс-клуб «Парадиз», с чьей-то легкой руки прозванный раем, располагался в самом центре Тарасова.

В этот раз Костя снова не стал меня ждать в машине, а от-

правился за мной, и я невольно подумала, что совсем неудивительно, когда о нас с ним на студии ходят всякого рода легенды. Однако на этот раз мне хватило ума промолчать: не хотелось обижать хорошего парня!

Герман Генрихович оказался на месте. Он сидел в своем кабинете и перебирал у себя на столе целую кипу бумаг. Заметив меня, Гоффман наконец оторвал свой взгляд от кучи макулатуры.

– Ах, Ирочка, это вы, – промямлил он. На Костю, стоявшего за моей спиной, Герман Генрихович не обратил никакого внимания. – А у нас такая беда, – проговорил он взволнованно. – Аллу арестовали...

– Вы бы не могли мне объяснить, – спросила я с искренним сочувствием, – что произошло на самом деле?! Вчера вы вместе с Аллой Владимировной уверяли меня, что анонимный телефонный звонок в эфире – это глупая шутка. Сегодня я узнаю, что госпожу Малахову подозревают в убийстве и даже взяли под стражу!

– У меня у самого голова кругом идет, – признался Герман Генрихович. – Ничего не понимаю!

– А убили-то кого? – осведомилась я.

– Как, вы не знаете? – удивился Герман Генрихович. – Аню Степнову, – ответил он.

– Постойте-ка, – возразила я, – но она же уехала во Францию...

– Совершенно верно, – со вздохом подтвердил Гофф-

ман, – уехала. Но вернулась. К сожалению, в России сняли «железный занавес»! Вот, если бы она уехала лет тридцать назад, – проговорил он мечтательно.

– И Алла Владимировна знала о ее возвращении? – осведомилась я.

– Да, – честно ответил Герман Генрихович, тупо уставившись в одну точку, и взгляд его маленьких глазок теперь не казался мне таким уж небесным. – Алла была шокирована ее возвращением, – продолжил Гоффман. – У них к этому моменту сложились не слишком хорошие отношения.

– То есть вы хотите сказать... – вкрадчиво начала было я.

– Я ничего не хочу сказать, – нервно перебил меня Гоффман и зашагал по кабинету. Потом выхватил из кармана пиджака пачку сигарет и задымил, как паровоз, что совершенно не вязалось с его ангельски-добродушным образом. – Вы мне скажите, как вас там? – Герман Генрихович вдруг запямятовал, как меня зовут. – Ирина Анатольевна... А зачем вам все это?

«Законный вопрос!» – мелькнуло у меня в голове.

– Хочу все знать, – пошутила я. – А если серьезно, то у меня из-за этого инцидента могут возникнуть крупные неприятности на телевидении.

– А, вон оно что! – Герман Генрихович снова уселся за свой захламленный стол. – А я-то уж грешным делом подумал, что вы за Аллу волнуетесь, – усмехнулся он, обхватив руками свою лысоватую голову.

– Почему в убийстве подозревают Аллу Владимировну? – осведомилась я.

– Да потому что, кроме нее, в этом чертовом клубе никто так долго не остается! – воскликнул Гоффман. – Тело-то Анны только вчера обнаружили, аккурат во время вашей программы, почти сразу после звонка, ну того самого, вы понимаете, – он выразительно округлил глаза. – А экспертиза вроде бы как уже установила, что смерть наступила в четверг часов около десяти-одиннадцати вечера. Алла, разумеется, в это время сидела в клубе...

– Ну, это еще не основание, чтобы... – возразила я.

– Еще какое основание! – перебил меня Герман Генрихович.

– В тот вечер Анна решила подружку навестить, будь она неладна! – Гоффман вытер струящийся пот со лба. – И попросила охранника Аллу предупредить. Ну, тот и выполнил все, как полагается, а потом лично к ней Аню и проводил. Он якобы слышал, как женщины ссорились... – Герман Генрихович пожал плечами. – Около одиннадцати Алла ушла, охранник же поинтересовался гостьей, Аллочка сказала, что выпустила ее через служебный вход. У нас, знаете ли, есть другая дверь... – пояснил он мне. – А тело обнаружили почему-то в солярии, – искренне удивлялся Гоффман. – Ключи от него были только у Алочки... – развел он руками.

– Как ее убили? – спросила я коротко.

– Ударили чем-то тяжелым по голове, – ответил Гофф-

ман. – Но подробностей я, разумеется, не знаю, – добавил он. – У Алочки есть адвокат, – сказал Герман Генрихович. – Я думаю, что вы при желании могли бы связаться с ним. Хотя я лично не вижу смысла... – Гоффман развел руками.

– Как его имя? – осведомилась я.

– Рокотов Игорь Викторович, – ответил Гоффман. – Но он мне сказал, что вытащить Алочку – дело практически безнадежное. – Герман Генрихович вздохнул и снова полез за сигаретой. – У меня даже появились опасения, что...

– Герман Генрихович, – в кабинет заглянула секретарша, девушка лет восемнадцати-двадцати в светлом, строгом костюме. – Ремонтники пришли, – сообщила она.

– Скажи, пусть ждут! – велел Гоффман.

Секретарша исчезла, плотно прикрыв за собой дверь.

– Это они обнаружили тело, – объяснил Герман Генрихович. – Как раз после этого злополучного звонка. Получилось так, – Гоффман замаялся и даже немного покраснел, похоже смутившись, – что я, не согласовав этот вопрос с женой, вызвал ремонтную бригаду в солярий...

– Так вот, значит, почему он был закрыт в последнее время, – заключила я.

– Да, – кивнул Герман Генрихович и спрятал сигареты в ящик письменного стола. – Что-то там с оборудованием, – пожал он плечами. – Я не вникал в детали!

– А кто же открыл им дверь? – осведомилась я.

– Верочка, – ответил Гоффман, – то есть наш секретарь, –

поправился он, – Вера Сергеевна. Впрочем, – Герман Генрихович махнул рукой, – девчонка совсем еще! Вы ее только что видели.

– Но вы же сказали, что ключ от солярия имелся только у Аллы Владимировны, – удивилась я.

– Совершенно верно, – вздохнул Герман Генрихович. – Верочка проявила инициативу, которая, кстати, всегда наказуема, – философски добавил он. – Она под свою ответственность позволила этим дуболомам взломать дверь. И вот видите, что из этого вышло. – Гоффман снова развел руками.

– Вы говорили, что у вас появились какие-то опасения? – вспомнила я.

– Что? – Герман Генрихович словно очнулся от своих, одному ему ведомых дум.

– Ну, я имею в виду адвоката, – сказала я.

– Ах, вы о Рокотове? – сообразил Гоффман. – Да, в отношении Игоря Викторовича у меня есть некоторые опасения, – подтвердил он, – боюсь, как бы он не отказался от дела...

– Ну, на мой взгляд, спасти вашу супругу шанс есть, – высказалась я вслух. – Вы до сих пор не сказали: было ли обнаружено на месте преступления орудие убийства?

– Нет, – покачал головой Герман Генрихович, – в этом-то и загадка, – добавил он. И я мысленно пришла к выводу, что Гоффман Аллу Владимировну заочно уже приговорил.

– А вы бы не могли дать мне телефон Игоря Викторови-

ча? – попросила я Гоффмана.

– Ну, разумеется, – согласился он с легкостью и раскрыл ежедневник, который валялся у него на столе, предварительно освободив его из-под стопок бумаг, наваленных поверху. – Вот. – Он перелистнул несколько страниц и ткнул пальцем в какую-то запись. – Хотя... – Герман Генрихович засомневался... – ...есть ли в этом необходимость?

– Есть, – твердо сказала я.

– Ну тогда...

– Возможно, у вас найдется визитка Рокотова? – напомнил о себе Костя Шилов, который молчал до этого момента.

– Пожалуй, – согласился Гоффман, которому было явно лень переписывать данные адвоката. Он извлек из внутреннего кармана черного пиджака коричневый кожаный бумажник, порылся в нем и наконец-то передал мне визитку, на которой значилось: «РОКОТОВ ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ, тел. 24-78-92».

На другой стороне было отпечатано красивым шрифтом: «Юридическая консультация «Фемида». И другой телефонный номер.

Я подумала, что первый телефон, судя по всему, был домашним.

– У него еще и сотовый есть, – заметил Герман Генрихович, – только номер куда-то запропастился, – оговорился Гоффман.

Я повертела в руках визитку, спрятала ее в дамскую су-

мочку, решив, что она мне обязательно пригодится и я ею непременно воспользуюсь в самое ближайшее время.

– Вера! – Герман Генрихович позвал по селектору секретаршу. Мы с Костей переглянулись, но оказалось, что Гоффман всего лишь захотел проявить гостеприимство и угостить нас чаем. Но про себя я все-таки подумала, что и с Верой мне еще придется на днях переговорить тет-а-тет. Так или иначе, но я намерена была в следующую пятницу сделать еще одну телепередачу с Малаховой.

– Ирина Анатольевна, вы, наверно, устали, – вдруг догадался Гоффман и наконец предложил мне присесть в глубокое кресло с широкими подлокотниками.

Я удобно устроилась в нем, но невольно подумала, что наше студийное кресло все же гораздо комфортнее. Не зря же Павлик полдня проводит на студии, расположившись именно в нем.

Костя присел на стул в сторонке. Я видела, что он себя чувствует как-то скованно. Однако обратила внимание, что внимательно смотрит по сторонам и прислушивается к нашему с Гоффманом разговору.

Вера принесла в кабинет поднос с тремя чашками горячего чая. Когда она бесшумно почти удалилась из кабинета, я задала Гоффману свой самый провокационный вопрос:

– Герман Генрихович, могла ли, на ваш взгляд, Алла Владимировна убить подругу?

Мне показалось, что Гоффман побледнел, хотя трудно по-

нять: лицо у него было от природы белокожее...

– Не знаю. – Герман Генрихович развел руками, подбородок у него задрожал. – Говоря между нами... могла, наверное. Ну, если не она, то кто же? – пожал он плечами и уставился на меня своими по-детски широко распахнутыми ярко-голубыми глазами.

Я-то, наивная, полагала, что он сейчас начнет выгораживать супругу... Ничего себе преданность! Я представила себя на месте Малаховой, и мне ее стало безумно жаль.

Неужели и мой Володька вот так же бы вел себя, случись что со мной? Нет, такое только в кошмаре может присниться! Что-то у них в семейной жизни с Малаховой явно не ладится, заключила я.

– А почему вы так думаете? – осторожно спросила я.

– Потому что не знаю, кто еще мог это сделать, – категорически ответил Гоффман.

– Ну-у, – протянула я, обидевшись за Аллу Владимировну, – тот, кто знал, что в солярии находится труп ее близкой подруги, и вызвал ремонтную бригаду, намеренно не поставив в известность Малахову, так как ключ от солярия был только у нее... Потому она и возглавляла список подозреваемых?

– На что это вы намекаете? – ошетинился Герман Генрихович. Его мощная шея побагровела. – Вы думаете, что это я?.. – ужаснулся он.

Костя бросил на меня ошеломленный взгляд, дивясь мо-

ему непрофессионализму. Чтобы вот так высказать в лицо сразу все, что я думаю!.. Но ведь я так вовсе не думала! Просто огласила одну из моих рабочих версий!

– Нет, ну что вы. – Я покачала головой и сделала извиняющееся лицо. – Я только обдумываю!..

– Ну, в таком случае я вынужден сообщить вам некоторые детали, о которых не хотел говорить, – произнес Гоффман задумчиво. – Это могло бы повредить Алле, – добавил он. – Но раз вы подозреваете меня...

«В джунглях каждый сам за себя!» – констатировала я мысленно.

– И что же это за детали? – спросила я, отхлебнув из чашки глоток горячего чая.

«Кажется, с бергамотом», – отметила я про себя.

– Анята шантажировала мою жену, – заявление Гоффмана прозвучало как гром среди ясного неба, впрочем, не такого уж ясного...

– Каким образом? – осведомилась я.

– Перед отъездом во Францию, – начал Гоффман, – Алла сумела выкупить ее долю в деле.

– Но нам об этом известно, – проговорила я.

– Да, – усмехнулся Герман Генрихович, – но вам неизвестно только, что документы тогда так до конца и не оформили!

– Почему? – изумилась я.

Гоффман в очередной раз прикурил сигарету.

– Ну-у, во-первых, – протянул он, – Алла считала ее своей

подругой и доверяла ей, а во-вторых... – Герман Генрихович задумался. – ...было много дел, Аллочка закрутилась...

– И что же произошло теперь? – поинтересовалась я, и, устав сидеть, перекинула ногу на ногу. Нет, все-таки наше кресло было гораздо удобнее!

– Анна требовала восстановить ее в правах совладелицы, – выдавил из себя Гоффман, стряхнув пепел прямо на стол, – однако деньги вернуть отказывалась! Напротив, – возмущенно добавил он, – она требовала с нее еще большую сумму!

– Анна давно вернулась? – спросила я. – Они часто встречались с Аллой Владимировной?

– Я не знаю, – раздраженно ответил Гоффман. – Алла не посвящала меня во все свои дела, – добавил он. – И видно, напрасно не посвящала! Теперь и я оказался втянутым в эту историю с убийством!

– Но вам же известно, что Анна шантажировала вашу жену, – проговорила я.

– Да, – подтвердил Герман Генрихович. – Алла сказала об этом мне несколько дней назад. Это было ужасно. – Гоффман нахмурился. – Алла всегда такая выдержанная, – заметил он, – а в тот вечер...

– Что же случилось в тот вечер?

– Она сорвалась, – процедил сквозь зубы Гоффман. – Первый раз в жизни я видел Аллу в истерике. И это было ужасное зрелище! – Гоффман закрыл лицо руками. – Аллочка

оказалась в безвыходном положении, она не знала, что делать. Чтобы выплатить деньги, которые требовала Аня, ей пришлось бы продать наш клуб. Но она почему-то наотрез отказывалась работать с ней вместе. Нет, – он прижал руки к груди, – я, конечно, могу понять ее чувства. Когда твоя близкая подруга... – Гоффман покачал головой. – Но если не остается иного выхода, – развел он руками. – Я всегда считал Аллу разумной женщиной, – добавил он.

– У Аллы были враги? – спросила я.

– Не знаю. – Герман Генрихович пожал плечами. – У каждого человека есть враги, – добавил Гоффман. – Если он не дурак, конечно, и Алла никогда не была дурой...

– Как вы думаете, – спросила я, – а кто-нибудь еще мог знать о ее сложных взаимоотношениях с подругой?

– Ирина Анатольевна, вы думаете, что кто-то подставил мою жену? – Гоффман прищурился.

– Думаю – да, – ответила я.

– И снова подозреваете меня? – проговорил Герман Генрихович задумчиво.

– Я этого не говорила, – возразила я, допивая чай, который к этому моменту успел остыть.

– Но подумали, – усмехнулся Гоффман.

Я в ответ пожала плечами.

– А у Ани были враги? – спросила я. – Ее мог убить кто-нибудь неизвестный?

– Я не был с ней близко знаком, – ответил Герман Генри-

хович. – Но, учитывая ее характер...

– Мы можем переговорить с работниками фитнес-клуба? – спросила я, не особенно надеясь на то, что Герман Генрихович с радостью пойдет нам навстречу.

– Пожалуйста. – Гоффман несколько обманул мои ожидания.

Выйдя из кабинета, я спросила Костю:

– Что ты обо всем этом думаешь?

– Мне кажется, – проговорил он задумчиво, – что выводы пока делать рано.

– Согласна, – кивнула я. – Однако Герман Генрихович показался мне не слишком-то опечаленным тем, что его жену взяли под стражу...

Шилов возразил:

– Но это еще не говорит о том, что именно он убил Анну Степнову и подстроил все так, чтобы обвинение пало на Аллу Владимировну!

– Но, по-моему, об этом свидетельствует ряд фактов, – заметила я. – Один из них – именно он вызвал ремонтную бригаду в солярий...

– Ну, – усмехнулся Костя, – это я уже слышал в кабинете главного менеджера, вот только не понял: чего это ты так завелась?

– Женская солидарность! – объяснила я.

Костя покрутил у виска, но тем не менее продолжал смотреть на меня с неизменной нежностью, отчего я невольно от-

вела взгляд.

– Так, значит, ты думаешь, что это не Гоффман? – заключила я.

– Этого я тоже не говорил, – ответил Костя.

– Но согласишься, – продолжала я, – Герману Генриховичу было бы очень выгодно упечь жену за решетку...

– Такое оно женское счастье, – съехидничал Костя.

– Ведь если Аллу Владимировну осудят, – рассуждала я вслух, – Гоффман станет полноправным владельцем фитнес-клуба «Парадиз».

– Да, – согласился Костя, – а отправив на тот свет Аню, Герман Генрихович устранил и еще одного возможного совладельца, особенно учитывая всю эту чехарду с документами!

– Так, значит, ты тоже считаешь, что это был Герман Генрихович? – обрадовалась я.

– Нет, – покачал головой Костя, – я только считаю, что это одна из версий, имеющих право на существование!

– Ну, говоря откровенно, – сказала я, – мне тоже кажется, что тогда в этом деле все было бы слишком просто... Вот если бы переговорить с охранником, который в тот день дежурил! – мечтательно проговорила я.

– Кстати, – заметил Костя, – ты забыла спросить у Германа Генриховича, как его имя и где его можно найти!

– И правда, – слегка расстроилась я.

Костя постучал в первый попавшийся по дороге кабинет,

и оттуда отозвался мягкий женский голос:

– Войдите!

Я не заставила себя дважды уговаривать, а Костя, разумеется, вошел в кабинет следом за мной.

– Ирина Анатольевна! – узнала меня хозяйка кабинета. Это была Елена Николаевна Крылова, с которой мы встречались на подготовительных съемках. Она, кажется, значилась в штатном расписании заместителем Гоффмана, хотя я в их клубной иерархии особенно-то не разбиралась. Будь я на месте Аллы Владимировны, поувольняла бы половину...

По-моему, персонала в клубе «Парадиз» было больше, чем требовалось. То ли дело в моей программе: я – автор и ведущая, Галина Сергеевна – режиссер, Павлик Старовойтов – наш оператор и Лена Казаринова – помреж!

– Вы уже, верно, наслышаны о том, что у нас случилось?! – взволнованно проговорила Елена Николаевна, очень эффектная женщина лет тридцати пяти: черноглазая, черноволосая, ослепительно белокожая; с тонкими, почти аристократическими чертами лица и волевым, красивым ртом. Одета Елена Николаевна была в легкий брючный костюм темно-вишневого цвета, который ей удивительно шел. Накрашена была только слегка, но, как я подозревала, с ее внешностью легко могла превратиться в женщину-вамп с глянцевого обложки журнала. И для этого ей бы особенного труда не потребовалось!

– И в самом деле наслышаны, – ответила я.

– Бедная Алла Владимировна, – женщина покачала головой. – Ей-то какво! А?! Ни за что не поверю, что Аллочка могла кого-то убить!

– Почему? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Человек не тот! – уверенно заявила Елена Николаевна. – А Герман Генрихович, по вашему мнению, смог бы? – тихо спросила я.

– Гоффман? – переспросила Елена Николаевна. – Гоффман бы смог, – оглядевшись, прошептала она. – А вообще, Ирина Анатольевна, зачем вам это? – вдруг опомнилась Крылова.

– У меня могут быть неприятности. – И я повторила ей то, что уже рассказала Герману Генриховичу. Впрочем, неприятности у меня уже начались. Например, я не имела возможности провести свой законный выходной с Володькой, как запланировала заранее.

– А... – протянула Елена Николаевна, – тогда понятно!

– И вы действительно считаете, что ваш начальник способен на убийство? – спросила я, усаживаясь на кожаный диванчик. Костя, как тень, устроился рядышком.

– Он на все способен, – процедила Елена Николаевна сквозь зубы. – Терпеть его не могу! – искренне заявила она.

– Интересно, а он знает, как вы к нему относитесь? – удивленно спросила я.

– Ирина Анатольевна, – женщина повела плечами в шифоновой дымке, – я полагаюсь на вашу порядочность! – за-

явила она.

– Что он вам сделал? – поинтересовалась я. – По-моему, Герман Генрихович порядочный и весьма обаятельный человек...

Крылова проглотила наживку.

– Да вы же его совсем не знаете! – в сердцах бросила она.

– В самом деле? – насторожилась я. Во мне крепла уверенность, что вот сейчас-то эта «женщина-вамп» обязательно расскажет нам что-нибудь интересненькое... Я вся напряглась, будто пружина во мне натянулась, или как позже Костя меня сравнил с борзой, почуявшей добычу. Compliment, может быть, и не из самых галантных, но мне понравился!

– Конечно, не знаете! – усмехнулась Елена Николаевна с чувством какого-то злорадного превосходства. – Это же аморальный тип! – заявила Крылова.

– Почему вы так думаете? – спросила я. Что-то она мне сейчас поведаст? Я вся обратилась в слух.

– Разве вы не заметили, на сколько Гоффман моложе своей жены?! – воскликнула госпожа Крылова.

– Ну, это, по-моему, законом не возбраняется, – разочарованно протянула я. – Мне кажется, Герман Генрихович относится к Аллочке, то есть, пардон, – я поправилась, – к Алле Владимировне Малаховой с любовью и уважением...

– Скажете тоже! – прыснула «женщина-вамп». – С уважением! – передразнила она меня. – Да я про него такое знаю!.. – заявила она с видом заправской сплетницы.

– И что же такое вы про него знаете? – осведомилась я заговорщически.

– Да он не пропускает ни одной юбки! – сказала Елена Николаевна с презрением. Мне даже показалось, что она была той самой единственной, которую он пропустил...

– Что вы говорите? – покачала я головой.

– Он и женился-то на Алле Владимировне исключительно ради денег, – заявила Крылова.

– Но...

– Я точно знаю, – перебила она меня. – Вы, наверное, знакомы с Лидой? – неожиданно поинтересовалась Елена Николаевна.

– Вы имеете в виду дочку Малаховой? – уточнила я.

– Совершенно верно, – подтвердила Крылова.

– Видела пару раз, – ответила я. – Говоря откровенно, мне показалось, что отношения у них с матерью напряженные.

– Еще бы! – усмехнулась Елена Николаевна. – Она же встречалась с Германом. Поговаривали даже о свадьбе, а он возьми да и воспылай вдруг любовью к Алле, когда узнал, какими деньгами попахивает. А деньги-то и в самом деле в клубе немалые крутятся. Алла Владимировна в последнее время знаете как развернулась? – проговорила она с невольной завистью в голосе.

– Очень интересно, – искренне ответила я. Выходило, что и у Лиды был повод устроить маме «подлянку». Но тем не менее эта версия показалась мне неправдоподобной, вроде

тех, что высказывала обычно Галина Сергеевна. К тому же слова Елены Николаевны еще нужно было проверить! Хотя... – засомневалась я, – то что сказала Крылова, вполне объясняло взаимную неприязнь Лиды и Аллы Владимировны.

– Вы часто видите с Лидой Малаховой? – спросила я.

– Да, – призналась Елена Николаевна, – часто. Лидия так одинока, – с сочувствием проговорила она.

– Вы давно знакомы? – осведомилась я. Признаться, меня несколько удивила близость сотрудницы фитнес-клуба с дочкой его хозяйки.

– Да, – улыбнулась Елена Николаевна, – раньше все было совсем по-другому, – грустно сказала она. – Вы знаете, Ирочка? Можно я буду вас так называть? – спросила Крылова.

– Конечно, – кивнула я.

– Так вот, Ирочка, – продолжала она, – мы дружили втроем: Аллочка, Аня Степнова и я, – она развела руками. – Но деньги... – Крылова задумалась, подбирая подходящее выражение, – деньги меняют людей, – наконец проговорила Елена Николаевна. – Анюте каким-то образом удалось настроить Аллу против меня. Это случилось сразу после аварии, но еще до того, как Алла и Аня взялись за клуб. Алла мне так до сих пор ничего и не объяснила, – Елена Николаевна говорила с обидой в голосе, – но после отъезда Ани взяла меня к себе на работу: я к тому времени оказалась совсем

в бедственном положении, – объяснила она, – в НИИ меня сократили, и мне предстояло выбирать: идти торговать на лоток или принять предложение Аллы... Про гордость пришлось забыть, – Крылова прикусила губу. – А с Лидочкой мы все это время продолжали общаться, после всей истории с Гоффманом, кроме меня, у нее не осталось близкого человека...

– А что собой представляла Анна? – С каждой минутой дело, в которое я оказалась невольно втянутой, представлялось мне все запутаннее.

– Анна? – переспросила Елена Николаевна с горькой усмешкой. – Даже не знаю, что и сказать, – пожала она плечами.

– Говорите как есть, – попросила я, приготовившись к ошеломляющим разоблачениям.

– Про покойников плохо не говорят... – вздохнула Елена Николаевна.

– Попробуйте быть беспристрастной, – сказала я, переглянувшись с Костей.

– Сначала Анюта представлялась мне восхитительной женщиной, – призналась Елена Николаевна. – Искренней, чистой, красивой! – проговорила она. – Но, видно, я ошибалась. – Крылова подошла к окну, я и не заметила, как в руке у нее появилась сигарета. – Анна все время плела какие-то интриги, – презрительно скривилась она, чиркнув зажигалкой. – И потом эта история с аварией... Она всегда казалась

мне подозрительной!

– Что вы имеете в виду? – насторожилась я.

– Автомобильную катастрофу, – ответила Елена Николаевна, – в которую попала Аллочка.

– Так, значит, это не был несчастный случай?! – изумленно воскликнула я. – Но Алла Владимировна ничего нам об этом не рассказывала...

В этот момент хлопнула дверь, и через порог переступил Герман Генрихович.

– А... – проговорил он несколько раздраженно, – вы еще здесь? – Гоффман перевел взгляд с меня на Елену Николаевну. – Как освободитесь, зайдите ко мне! – приказал он недовольным тоном и вышел из кабинета.

– Ой! – Крылова прижала ладони к щекам. – Что я наделала! – каким-то неестественно тонким голосом пропищала она. – Гоффман же наверняка все слышал! – Лицо Крыловой стало пунцовым. – Он же выгонит меня на улицу! – всхлипнула она.

– Успокойтесь, пожалуйста, – я тронула ее за плечо.

– Да, да, – проговорила Елена Николаевна, – мне надо взять себя в руки! В конце концов, чему быть, как говорится...

– Вы рассказывали об аварии, – напомнила я.

– Поймите меня правильно, Ирина Анатольевна, – сказала Крылова в ответ, – я и так тут вам наговорила всего...

Елена Николаевна извлекла из полупустой пачки очеред-

ную сигарету с ментолом, – а это ведь может стоить мне работы, – продолжала она, – и при этом чертовски хорошо оплачиваемой, работы... Мне жаль Аллочку, – вздохнула она, – но мне почему-то кажется, что ей из этой паутины уже не выбраться...

– Но почему? – удивилась я, прекрасно отдавая себе отчет в том, что как детектива Елена Николаевна меня совсем не воспринимает. Ей гораздо больше импонировала Ирина Лебедева – автор и ведущая программы «Женское счастье».

– Интуиция! – уклончиво проговорила Крылова.

– И вы больше ничего не хотите мне сказать? – разочарованно осведомилась я.

– Нет. – Елена Николаевна покачала головой. – Клуб скорее всего достанется Гоффману, а мне с ним еще работать, – мрачно закончила она. – Мне бы хотелось, чтобы вы меня... оставили, – проговорила извиняющимся тоном Крылова. Было заметно, что Елене Николаевне отказывать мне неловко, но тем не менее решение она приняла окончательное и бесповоротное, так что обжалованию оно не подлежит.

– Ну, что ж, как знаете, – ответила я, потому что не видела смысла в том, чтобы настаивать. – Но вы не могли бы ответить на мой последний вопрос? – попросила я.

– Ирина Анатольевна, – сухо ответила Крылова, – вы же знаете, что я тороплюсь! Герман Генрихович...

– Как фамилия охранника, дежурившего в четверг? – не сдавалась я.

– Не помню, – ответила Елена Николаевна. – К сожалению, – добавила она, – кадровые вопросы не входят в мою компетенцию. Этим занимается Гоффман.

– Можно от вас позвонить?

– Звоните, – обреченно ответила Крылова. Она, наверное, уже была не рада, что распустила язык.

Я вытащила из сумочки визитку Рокотова, любезно предоставленную мне Германом Генриховичем. Однако рабочий телефон Игоря Викторовича упорно не отвечал: длинные телефонные гудки резали слух. «Все ушли на фронт!» – мысленно констатировала я, представив табличку подобного содержания на дверях юридической консультации «Фемида».

– Вымерли они там все, что ли?! – возмутилась я вслух.

– Что, адвокат не отвечает? – сочувственно поинтересовался Костя.

– Не отвечает, – вздохнула я.

– Ириша, а ты попробуй ему домой позвонить, – посоветовал Шилов.

– Ирочка, а вы не могли бы побыстрее? – взмолилась Елена Николаевна. – Гоффман меня убьет!

– Герман Генрихович сам нам позволил поговорить с сотрудниками, – заметил Костя.

– Опасаюсь, что он подслушал наш разговор, – нервничала Крылова.

Я тем временем набирала номер, указанный на визитке. В

этот раз телефон все-таки ответил. Приятный мужской голос сказал в трубку короткое:

– Да?

– Пригласите, пожалуйста, Игоря Викторовича, – попросила я.

– Я вас внимательно слушаю, – ответил голос.

Я представилась:

– Ирина Лебедева.

Но никакой реакции вроде: «Какая удача, я по телевизору только вас и смотрю!» – не последовало. Судя по всему, «Женское счастье» не входило в число его любимых программ. Да и Алла Владимировна, похоже, ему ничего обо мне не рассказала. Хотя это показалось мне странным, учитывая тот самый телефонный звонок...

– Да, я вас слушаю, – невозмутимо повторил Рокотов.

– Я веду телепрограмму...

– Я в курсе, – ответил адвокат. – Алла Владимировна поставила меня в известность!

– Очень хорошо, – обрадовалась я. – Мы не могли бы встретиться с вами?

– Не вижу в этом необходимости, – бесцеремонно ответил Рокотов и бросил трубку.

Я не поверила своим ушам. Такое поведение можно расценивать ни больше ни меньше как мужской шовинизм.

– Ну что? – заинтересованно осведомился Костя.

– Этот... Рокотов отказался со мной разговаривать! –

вспыхнула я. – Нет, но это же... – Я не находила слов, чтобы выразить свое возмущение.

– Полнейший беспредел, – согласился Костя, улыбнувшись краешком губ.

– Ирина Анатольевна, вы бы не могли войти в мое положение? – дергалась «женщина-вамп», которая за последние полчаса порядком упала в моих глазах.

– Да, да, конечно, – кивнула я. – Только еще один звонок!

– Гурьеву? – догадался Костя.

– С проникательностью у тебя полный порядок, – ответила я и снова взялась за свой мобильник. В это время Елена Николаевна уселась в кресло и, наверное, в сотый раз закурила. Но мне все-таки хотелось довести начатое дело до конца, к тому же очень не нравилось вести телефонные переговоры на улице... Да и Костю за рулем его серой «Волги» отвлекать было нежелательно.

– А, Ирина, здорово! Ждал твоего звонка! – приветствовал меня Гурьев радостным голосом. – Как успехи? – осведомился он.

– Мне срочно надо переговорить с адвокатом Малаховой! – сказала я.

– С Рокотовым, что ли? – спросил Валерка.

– А ты откуда знаешь? – не смогла я удержать изумленного возгласа.

– Да пили мы с ним как-то водку... – начал Гурьев.

– Знаю, знаю! – перебила я его. – Ты Аллу Малахову видел?

– Не-а, – протянул Гурьев. – К ней сейчас никого не пускают, – добавил он. – Но Рокотов – мужик стоящий. Если она не убивала, он ее вытащит... Кстати, – проговорил Валерка, – статью читал. Ну этот Ремизов и сволочь!

Я согласилась:

– Сволочь! Сам понимаешь: мне необходимо встретиться с Рокотовым!

– Могу устроить, – предложил Гурьев. – За тобой ужин, – добавил он. – Изысканный...

«Ага, размечтался!» – мысленно усмехнулась я.

– Само собой, – сказала я вслух.

– Подробности расскажу при встрече, – пообещал Валерий.

– А дело-то кто ведет? – осведомилась я.

– Платонов, – ответил Гурьев.

– Ну, надо же, – удивилась я. С Андреем Николаевичем мы были знакомы еще по делу бизнесвумен Кривцовой, у которой во время прямого эфира моей программы с ее участием дома взломали сейф с драгоценностями.

Я повесила трубку, и обрадованная Елена Николаевна наконец-то выпроводила нас из своего кабинета. Костя еще раз постучался в дверь Гоффмана, чтобы узнать у него имя охранника, дежурившего в четверг, но Германа Генриховича не оказалось на месте. В итоге мы вновь столкнулись лицом

к лицу с обескураженной Еленой Николаевной. Она попрощалась с нами дрожащим голосом.

– Костя, – пришла мне в голову занимательная мысль, – а почему бы нам не осмотреть тот самый злополучный солярий?!

– Ирина Анатольевна, да вы что? – возмутился он. – Здесь же полно народу!..

– Костя, – я укоризненно покачала головой, – мы же с тобой давно на «ты», а ты все Ирина Анатольевна да Ирина Анатольевна, – передразнила я его.

– Ира, вас, то есть тебя к тому же муж ждет, – добавил он. Если бы не это обстоятельство, которое смущало меня больше всего, я бы обязательно задержалась в этом раю подольше.

– Ну, ладно, поехали, – смилостивилась я.

– Костя, – окликнула я водителя уже в машине, – а что ты об этом думаешь?

– Не знаю, – Шилов пожал плечами.

– Ты все-таки считаешь, что Гоффман здесь ни при чем? – поинтересовалась я. – И что это за история с аварией, которую, возможно, подстроили? Малахова узнала, что Анна едва не отправила ее на тот свет и отомстила? Тени из прошлого?

Неужели такое возможно? – размышляла я вслух. – Или дочь решила маму за решетку упечь из-за расстроившейся свадьбы?

– Ты про инопланетян забыла, – ответил Костя.

– Что?

– Шучу, – усмехнулся Шилов. – Я знаю только одно, – добавил он. – Вряд ли мы управимся до следующей пятницы!

– Костя, а я-то тебя всегда считала неисправимым оптимистом! – воскликнула я. – Неужели ошибалась все это время?

– Только иногда, – парировал он.

Что-то не очень он похож на безнадежно влюбленного мужчину!.. И много я их таких видела – безнадежно влюбленных?!

– О чем задумалась? – осведомился Шилов по дороге.

– Как нам Нину Андреевну разыскать, – выпалила я первое, что в голову пришло. – Она наверняка что-то знает, раз Гоффман от нее так скоропостижно избавился...

– Пожалуй, – Костя не стал возражать. Он свернул за угол и заехал во двор нашего дома. Цены такому водителю не было, но Лебедев отказывался это понимать: у него при одном упоминании о Шилове лицо менялось. Ревновал он меня к нему, что ли? Да и было ли к кому ревновать?! Но ведь относился же он к Гурьеву по-человечески, да и к Павлику тоже!

– До завтра, Ирина Анатольевна!

– До завтра, – ответила я, выходя из машины. Воскресенье обещало быть жарким...

Глава 3

Володька встретил меня, вооруженный ножом, которым он строгал какой-то салат. В этот самый момент я и вспомнила про изысканный ужин, обещанный мною Валерке.

– Ирина, ну наконец-то! – Володька бросил ножик на стол, вытер руки о краешек полотенца и принял меня в свои объятия. – А то я уж здесь извелся весь! Ну, как все прошло? Это тебя столько времени Кошелев нравоучил? Я, между прочим, звонил на студию, мне сказали, что ты уехала, – проговорил он обиженно. – Ты снова во что-то впуталась?

– Нет, – покачала я головой, – готовлю очередную передачу! Истинный крест. – Я даже перекрестилась для пущей убедительности. В общем-то, это была чистая правда. В конце концов, должно же было мое «независимое расследование» однажды выйти в эфир!

Я полезла в бар за бутылкой коньяка, припрятанного там на всякий пожарный случай, и заодно включила свой музыкальный центр. Ничто не успокаивало меня так, как классическая музыка.

– Ирина, у тебя, наверное, был очень трудный день, – констатировал Володенька и ретировался на кухню, лишь бы только не слышать моего Паваротти. Обидно, конечно. Но ничего, мы и не такое переживали!

– Володя! – позвала я его.

Из кухонной двери вынырнула черноволосая голова.

– Чего изволите? – шутливо осведомился мой благоверный.

– Мы сегодня с Гурьевым ужинаем, – предупредила я, делая звук потише.

– Вот не было печали! – усмехнулся Лебедев. – А у нас, между прочим, копченая колбаса закончилась!

– Ничего, – ответила я, – он и вареной перебьется!

– Чего это ты сегодня такая грозная? – удивился Володя.

– Никакая я не грозная, – возразила я. – Обыкновенная!

Переодевшись, я присоединилась к своему удивительно-мужу на кухне, лишний раз убедившись, что в замужестве мне несказанно повезло.

Гурьев себя ждать не заставил, подозревал-таки, что его на кухне мой коньяк дожидается.

Валерка ворвался в квартиру, как всегда, в прекрасном расположении духа. На первый взгляд мои неприятности его будто вовсе не волновали. Но через несколько минут мне пришлось убедиться в обратном.

– Рокотов – стоящий адвокат! – заявил он почти с порога. – И я бы, Ирина, на твоём месте, не лез в это дело. Игорь и без тебя управится!

– Слышишь, Ириша? – робко подал голос Володька.

– Ну да, стоящий, – кивнула я. – Только очень неразговорчивый!

– Не обижайся, – проговорил Валерка, уплетая за обе ще-

ки «изысканную» вареную колбасу, – просто... ну, как бы это сказать, Игорь не очень-то доверяет женщинам!

– Женоненавистник, – констатировала я.

– Ну, и язык у тебя, Ирина! – усмехнулся Гурьев.

– А он тебе не открыл великую тайну? – спросила я. –

Где можно найти охранника, дежурившего в «Парадизе» в четверг?

– Открыл, – признался Валерка. – У меня даже его координаты имеются.

– Поделиться не хочешь? – спросила я, наливая ему коньяк.

– Майоров Денис Георгиевич, – проговорил Гурьев торжественно. – Проживает по адресу: Вишневая, дом 18, квартира 5. Кстати, мне достоверно известно, что Платонов его уже допрашивал.

– Нисколько не сомневаюсь. – Я положила Валере в тарелку новую порцию салата. – А твоему «стоящему» Рокотову известно, что покойная Анна Степнова требовала у Аллы восстановить ее в правах совладелицы?

– Да, – Гурьев кивнул, – Малахова призналась ему, что документы на владение клубом так и не были оформлены до конца! А тебе-то это откуда стало известно?

– Сорока на хвосте принесла. – Я сделала попытку заинтриговать нашего криминального репортера.

– Гоффман поди проболтался, – усмехнулся Гурьев. – Ходят слухи, что Герман Генрихович – человек очень разговор-

чивый!

– Между прочим, – заметила я, – он не слишком-то лестного мнения о Рокотове...

– А Рокотов не слишком лестного мнения о Гоффмане, – парировал Гурьев.

– Он его подозревает? – воодушевилась я.

– Он всех подозревает, – усмехнулся Валерка. – А ты-то кого подозреваешь? – осведомился он.

– Гоффман вполне мог устроить это убийство, чтобы свалить все на жену и прибрать к рукам ее бизнес, – размышляла я вслух. – С дочерью Алла Владимировна тоже не ладила, но эта версия все равно мне кажется наименее вероятной...

– А тебе не кажется, что враги могли быть у Анны, а Малахова оказалась замешанной в этом деле совершенно случайно? – предположил Валера.

– Об этом я, конечно, подумала, – ответила я, – но как же тогда быть с телефонным звонком в эфире? Этот человек должен был знать, что Анна мертва, а солярий под замком, и ключи имелись только в единственном экземпляре... Кстати, это тоже как-то одно с другим не вяжется! Либо ключи еще у кого-то имелись, либо этот человек знал, что Алла Владимировна задумала совершить убийство, спланировала его и осуществила свой план.

– Ну, – проямлил Валерка, разомлевший от коньяка, – существует и другой вариант...

– Какой же? – искренне поинтересовался Володя.

– Звонивший как раз и убил Анну Степнову, – глубоко-мысленно изрек репортер «Криминальной хроники».

– Ну, тогда в любом случае в его распоряжении должны были быть ключи от солярия! – заявила я. – Игорь Викторович ничего об этом не говорил? Возможно, Малахова сказала ему, что у кого-то имелся еще один экземпляр ключей?

Валера Гурьев покачал головой:

– Алла Владимировна уверенно заявила Рокотову, что ключей больше ни у кого не было!

– Тогда получается замкнутый круг, – растерянно пробормотала я.

– Ириша, что ты собираешься делать? – осведомился Володька, складывая в раковину горку немытой посуды.

– Во-первых, – ответила я, – искать этого таинственного звонившего, а во-вторых – орудие преступления! Если убила не Алла, убийца мог унести его с собой...

Говоря откровенно, я абсолютно не представляла, как это можно сделать. Но об этом моему горячо любимому супругу знать было совершенно не обязательно.

– Рокотов рассуждает примерно так же, – заметил Гурьев, осоловевший от жары и армянского коньяка.

– А он не сказал тебе случайно, что там установило следствие? – поинтересовалась я. – Чем Анну стукнули по голове?

– Не сказал.

– Жаль, – вздохнув, протянула я.

– Зато Платонов сказал, – хихикнул Гурьев. – Чем-то вроде гантели...

Все-таки я завидовала Валерке: до чего же легко доставалась ему нужная информация! Меня ни в коем разе нельзя было назвать необщительным человеком – работа обязывала любимая, – но с Гурьевым не сравнить! Далекое... Как в той поговорке про Китай!

– Значит, будем искать гантелю, – уверенно заявила я и принялась помогать Володьке убирать со стола.

– И где ты ее собираешься искать? – осведомился Гурьев, с интересом рассматривая меня своими пристальными блестящими глазками.

– Не знаю. – Я пожала плечами. – Сначала мне хотелось бы встретиться с этим Майоровым. А вот если бы ты... – Тут мне пришла идея пойти на маленькую хитрость. – ...да нет, – я безнадежно махнула рукой, – ты все равно не сможешь!

– Чего это я не смогу? – подозрительно осведомился Валерка.

– Об этом и разговаривать-то смысла нет, – заявила я. Этого моего заявления Гурьев и вовсе вынести не мог.

– Да говори же ты, не томи, – заерзал он на маленьком стуле. Валерка прямо-таки умирал от любопытства. Володя застыл на месте с полотенцем в руках, ожидая с нетерпением, чем же наконец все это закончится. Он чувствовал, я что-то задумала, но молчал, чтобы невзначай не испортить мою игру.

– Да нет... не в твоих силах устроить мне встречу с Рокотовым, – притворно вздохнула я.

– Почему это не в моих силах? – Гурьев непонимающе уставился на меня. – Очень даже в моих, – пожал он плечами.

– Да я поспорить готова, что он со мной встретиться все равно не согласится! – воскликнула я.

– На что спорим? – уперся Гурьев.

– На бутылку шампанского, – сказала я первое, что пришло мне в голову.

– Согласен! – азартно воскликнул Гурьев. – По рукам!

– Ну и дела! – простонал Володька, разбив наши руки.

* * *

Утром меня вновь разбудил телефонный звонок нашего режиссера: Галина Сергеевна хотела узнать, заеду ли я на студию обсудить с ней сценарный план на следующую пятницу. Обычно по воскресеньям я копалась в своих заметках и выбирала претендентку на роль главной героини очередного «Женского счастья». Но в связи со сложившимися обстоятельствами Моршакова не была уверена в том, что в этот день я появлюсь на телестудии как обычно: меня могли занимать какие-нибудь иные безотлагательные дела, напрямую связанные с расследованием. Ей же не терпелось услышать рассказ о том, что мне к этому времени удалось разузнать о загадочном убийстве в «Парадизе». Я считала, что она

непрерывно выскажет и свою версию случившегося...

– Давайте встретимся в десять, – предложила я, взглянув на часы. Стрелки на циферблате показывали половину девятого. Я полагала, что как раз успею на телецентр к десяти. Тем более что Галина Сергеевна все время опаздывала.

– Очень хорошо! – обрадовалась Моршакова. – Ирочка, ты что-нибудь раскопала? – любопытствовала она. – Признайся мне по секрету!

– Как приеду, все расскажу! – пообещала я.

– Ты стала такая скрытная, – вздохнув, посетовала режиссер и повесила трубку.

На постели зашевелился Володька.

– Ну, кто там еще? – пробурчал он спросонья.

– По работе, – коротко объяснила я.

– Ни днем, ни ночью покоя нет! – ворчливо заметил муж.

– Во-первых, с добрым утром! – Я нежно чмокнула его в щечку.

– А во-вторых? – игриво спросил мой благоверный.

– А во-вторых, я немедленно еду на студию! – заявила я и направилась в ванную.

– Могла бы что-нибудь и пооригинальнее придумать, – донеслось мне вслед.

* * *

На втором этаже я столкнулась с Лерой, которая стояла у

двадцать четвертой комнаты и пыталась справиться с заевшим замком.

– Привет! – поздоровалась я. – Какими судьбами?

Лера Казаринова обернулась.

– Ирина! – широко улыбнулась она, отчего ее миленькая мордашка стала еще привлекательней. – Галина Сергеевна...

– Ну конечно же! Как я сразу не догадалась?! – воскликнула я.

– Аврал! – развела руками Лера. – С вами-то все в порядке? – Она подозрительно покосилась в мою сторону.

– Абсолютно! – заверила я.

Замок наконец поддался, и Лера Казаринова повернула ключ в замочной скважине.

– Девчонки, здорово! – поглаживая бороду, за нашими спинами возник зевающий Павлик Старовойтов. И это с его-то ленью? Да в воскресенье?!

– Привет! – удивленно кивнула я. Мне пришлось признать, что Галина Сергеевна провела действительно большую подготовительную работу. Вся команда в сборе, не считая самой Галины Сергеевны...

Не успел Павел войти, как сразу расположился в любимшемся ему кресле. Лера стрельнула в него глазами, но оператор то ли сделал вид, то ли в самом деле не заметил ее грозного взгляда. Он отвернулся к стене и прикрыл тяжелые веки, словно Вий.

– Павел, ты неисправим! – простонала Лера и отправи-

лась, как обычно, замачивать свои сухофрукты.

Только в этот момент в студии появилась Галина Сергеевна в обворожительном светло-сером костюме и очень изящных лаковых лодочках.

– Как дела? – с порога взволнованно спросила она.

Павел неожиданно приоткрыл глаза и серьезно осведомился:

– Ирина, это правда, что «Женское счастье» грозят закрыть?

– Вранье, – категорично ответила я.

– Ирина Анатольевна! Рассказывайте! – потребовала Лера Казаринова. – Малахова в самом деле убила свою подругу?

Я пожала плечами:

– Полагаю – нет!

– Я так и думала! – воскликнула Галина Сергеевна, усаживаясь за стол. – Все же ясно как белый день!

– Вы о чем? – поморщился Старовойтов. Он растерянно озирался по сторонам в поисках кого-нибудь, кто смог бы ему объяснить, о чем говорила Галина Сергеевна. Сей тяжкий труд на себя, как всегда, взвалила Лера. Я же, после ее комментариев, позволила себе рассказать присутствующим все то, что мне удалось узнать в субботу.

– Я уверен, что это – Гоффман! – заявил Павел. – Ему это выгодно во всех отношениях!

– А что там за история с аварией? – робко спросила Лера, разливая по чашкам чай.

– Мне бы тоже хотелось это выяснить, – призналась я, пододвигая к себе огненно горячую чашку с крутым кипятком. Лера у нас не признавала компромиссов. Уж если чай – так, значит, в нем вам не составит особенного труда свариться! И заварка что надо! Правда, сама она его не пила: заваривала себе какие-то особенные целебные травы согласно тибетской медицине!

В этот момент зазвонил телефон. Я удивленно подняла трубку, гадая, кто бы это мог быть, в воскресенье?..

– Ирина Лебедева, ведущая программы «Женское счастье», – ответила я автоматически.

– Ирина Анатольевна, здравствуйте. – Голос звонившей дамы взволнованно дрожал. И тем не менее мне удалось-таки расслышать в нем какие-то знакомые нотки.

– Елена Николаевна? – переспросила я не слишком уверенно.

– Узнали! – подтвердила она и всхлипнула.

– Что произошло? – встревожилась я. Сам по себе ее звонок был довольно странным явлением, принимая во внимание, каким образом мы с ней расстались. К тому же я не помнила, чтобы давала Крыловой свой телефон. Скорее всего она получила его от Аллы Владимировны еще до программы, но необходимость в звонке назрела только сейчас!

– Гоффман выгнал меня из клуба! – снова всхлипнула бывшая заместительница менеджера «Парадиза». – Черт меня дернул распуścić язык и рассказать вам про его связь с

Лидией!

– Я вам искренне сочувствую, – сказала я, – но...

– Да, – горько усмехнулась Елена Николаевна, – вам теперь, конечно, на меня наплевать!

– Чем я вам могу помочь? – поинтересовалась я. Мне ее действительно было жаль, но я, увы, не имела слишком большого влияния на Германа Генриховича.

– Ничем не можете, – печально проговорила Елена Николаевна.

– Но тогда...

– Это я вам могу помочь, – заинтриговала она меня.

– Очень интересно! С чего бы это? – не слишком дружелюбно вырвалось у меня.

– Мне больше нечего терять, – ответила Елена Николаевна. – Приезжайте в «Парадиз» сейчас же, – попросила она. – Я как раз собираю вещи. Думаю, мы успеем перекинуться парой слов! – Я услышала, как моя собеседница усмехнулась на другом конце провода. – Мне есть что вам рассказать, – многообещающе проворковала она. – Кстати, можете прихватить с собой и оператора, – добавила Елена Николаевна. – Возьмете у меня небольшое интервью, – сказала она, и в трубке тотчас раздались короткие гудки.

– Ничего не понимаю. – Я пожала плечами и положила телефонную трубку на место.

– Кто звонил? – осведомился Павлик, перекинув ногу на ногу в начищенных до блеска ботинках. Что ни говори, но

даже его легендарная лень не мешала ему следить за своим внешним видом. Он слыл на телецентре почти что за донжуана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.